

М. А. Фельдман

**Трудовые конфликты
на промышленных предприятиях
Уральской области в юбилейный год
советской власти:
проблема взаимоотношений власти
и рабочих в 1927 году**

***Фельдман Михаил
Аркадьевич***

доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления — филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург, Россия)

Вопрос о судьбе нэпа, о степени его демократичности, о роли рабочих в функционировании советского «пролетарского» государства продолжает оставаться в поле зрения историков, порождая ряд далеко не совпадающих подходов и оценок, получивших освещение и в современных историографических работах¹.

Нэп как символ демократического мирного варианта развития общества, открывавший путь к эволюционному становлению государственно-рыночной экономики, действительно не вписывался в жесткую имперскую модель «мирового революционного процесса» — доминанты советской внешней политики. Однако существовали ли альтернативные варианты развития экономики, социальной политики, позволяющие избежать тотальной национализации, краха судеб миллионов людей и резкого снижения уровня жизни советских людей? Перспективным представляется мнение Л. Н. Суворовой: ответ на вопросы может дать синтез теории модернизации, социальной истории и теории многоукладности².

Существовало ли в обществе, в правящей партии, в рабочей среде понимание роли нэпа, многоукладной экономики? Каким образом на промышленных предприятиях

решались производственные конфликты? Насколько слышен был голос рабочих в решении социальных проблем?

В юбилейный, десятый год своего существования Советская страна входила с противоречивыми результатами социально-экономического развития. На базе введения твердой валюты успешно шло восстановление экономики, создавая предпосылки для динамичного развития страны.

Это дало возможность значительно расширить масштабы экспорта и импорта, осуществить широкую программу капитального строительства и сохранить высокий темп роста промышленности. Корректировка завышенных планов на 1926 г. правительством СССР во главе с А. И. Рыковым позволила восстановить хозяйственное равновесие. На протяжении всего 1926 г. реальные производственные планы сочетались с взвешенной денежно-кредитной политикой. В результате стал ослабевать товарный голод, снижался общий уровень цен, в первую очередь на сельскохозяйственную продукцию³.

К концу 1926 г. зарплата рабочих составила в среднем 90 % от их зарплаты в довоенное время⁴. Позитивным моментом стало сокращение жилищных расходов рабочей семьи: например, на Урале с 2,5 руб. в 1913 г. до 0,4 руб. в 1923 г.⁵ Последующее развитие в годы нэпа трансформировало патерналистскую политику государства по отношению к рабочему классу: повышение квартплаты, стоимости топлива стало реальностью для половины рабочих, проживавших в обобщественном секторе, как и повышение налога на частное домовладение. В то же время малоимущие рабочие не платили за жилье⁶.

В экономической сфере были облегчены условия развития частной торговли, улучшено снабжение сырьем кустарей и ремесленников, им предоставлялись налоговые льготы. Была снижена общая сумма сельскохозяйственного налога на 40 %, уменьшены цены на сельскохозяйственные машины и увеличена продолжительность кредита на их покупку. Все это позволяет назвать экономическую политику 1926 г. обоснованной, а использование регуляторов развития многоукладной экономики относительно эффективным⁷.

Однако в руководстве правящей партии нарастал накал борьбы между сторонниками и противниками нэпа, вплоть до заявления об уходе с поста генсека, поданного Сталиным Пленуму ЦК в конце 1926 г. Тем не менее большинство членов ЦК рассматривали нэп как временную уступку, продолжительность которой определяли исходя из прагматических соображений⁸. На стороне же оппонентов Сталина были практически все ведущие экономисты страны⁹.

В течение 1927 г. борьба за нэп и против него оказалась в тени другой политической битвы — Сталина и его сторонников с внутривластной оппозицией. В этой борьбе Сталин одержал победу; региональные элиты подчеркнуто выразили свою поддержку победителю¹⁰, но до безусловного подчинения действиям и поступкам высшей партийной власти со стороны провинциальных партийных руководителей было еще далеко. Новейшие исследования показывают, что система партийного контроля из центра в 1920-е гг. была весьма несовершенной, а сам контроль зачастую поверхностным¹¹.

На все стороны жизни в СССР оказывал влияние внешнеполитический фактор: осложнение отношений с западными странами, тревожные публикации в прессе,

слухи о грядущей войне. В мае 1927 г. были разорваны дипломатические отношения с Англией, рассматривавшейся в тот момент в качестве лидера враждебного капиталистического мира. Реальной угрозы войны не было, но Сталин использовал ухудшение международной обстановки для ужесточения режима внутри страны. Это проявилось в ухудшении отношения к предпринимателям — владельцам мелких и средних предприятий, в начале безосновательных массовых арестов инженеров и техников по обвинению во вредительстве. Компенсация нехватки средств для обеспечения планируемого прироста импорта машин и оборудования во многом была возложена на плечи рабочих. «Военный психоз» стал поводом для нового витка повышения интенсивности труда в советской промышленности¹².

Так, развернувшаяся в 1926 г. кампания по проведению «режима экономии» сопровождалась сокращением штатов и зарплаты для различных категорий занятых, мало учитывала интересы рабочих. Подобная модификация курса вызывала недовольство промышленных рабочих, побуждая к частым остановкам производства, ухудшению трудовой дисциплины. Наконец, обострение международной обстановки, вызвав повсеместную панику населения, привело к новой волне товарного голода¹³.

Попробуем разобраться в событиях юбилейного 1927 г. на примере, казалось бы, локального события — состоявшейся 12 мая 1927 г. забастовки рабочих-металлургов на ВИЗе — Верх-Исетском заводе «Красная кровля», крупнейшем предприятии Свердловска — центра Уральской области (административное объединение, существовавшее в 1923–1934 гг. и охватывавшее большую часть Уральского экономического района).

Нам уже приходилось обращаться к истории этой забастовки в рамках небольшой статьи¹⁴. Однако новое обращение к истории 1920-х гг. в контексте взаимоотношения власти и рабочих позволяет рассмотреть частное событие во взаимосвязи экономических, политических и социальных проблем.

Существуют два наиболее полных источника информации о событиях на Верх-Исетском заводе. В докладной записке члена пропагандистской группы ЦК ВКП(б) И. Г. Топузиса на бюро Уральского обкома ВКП(б) 22 мая 1927 г. (т. е. через 8 дней после забастовки) отмечалось, что причинами стачки стали «несправедливые» требования рабочих о получении всех выгод от переоборудования мартеновских печей. Как о вторичных причинах упоминалось об ошибках счетоводов в определении расценок оплаты труда, о технической отсталости предприятия, а также о нечуткости хозяйственных руководителей к нуждам рабочих¹⁵.

Автор весьма обширной докладной записки (57 с.) только в косвенной форме (ссылаясь на требования рабочих-визовцев) сообщает об объективных предпосылках забастовки: увеличении норм выработки и снижении расценок оплаты труда металлургов с 1 января 1927 г., признавая, впрочем, что «задачи, выдвинутые забастовкой, не разрешены и после ее окончания»¹⁶.

К маю 1927 г. внутрипартийные дискуссии близились к победному для Сталина завершению, нормы действий и служебного поведения партийных функционеров все более унифицировались и подгонялись к единому образцу. Показательно, что докладная записка И. Г. Топузиса содержала набор весьма примечательных штампов своего времени.

Во-первых, рабочие-забастовщики назывались «отсталыми элементами». Подчеркивалось их «ненастоящее пролетарское происхождение» (владельцы собственных домов и земельных участков)¹⁷. С учетом того, что именно такие рабочие и являлись на Урале кадровыми и потомственными¹⁸, обвинение приобретало совершенно иной смысл: социальный протест исходил от наиболее многочисленных и квалифицированных слоев рабочих. Невольно подтверждая это, Топузис отмечал, что профсоюзная и партийная организация мартеновского цеха — опоры бастующих — оказались на стороне забастовщиков. Поддержку мартеновцам оказывали рабочие других цехов завода, заводской профсоюз, коммунисты ряда цехов¹⁹.

Во-вторых, идейным вдохновителем забастовки называлась внутривнутрипартийная оппозиция, без приведения каких-либо подтверждающих фактов²⁰.

В-третьих, документ призывал к «разоблачению» и наказанию рабочих — руководителей забастовки — старого большевика Левантных и героя Гражданской войны Шалина²¹.

В-четвертых, в докладе неоднократно подчеркивалось, что забастовка носит единичный характер, не заслоняя главного: «рабочие любят РКП(б)»²².

Как видно из этой части докладной записки, «хозяева пролетарского государства», стоило им обратиться к отстаиванию своих вполне легитимных прав, быстро превращались в «отсталых элементов». Под «отсталость несознательных» рабочих подводилась «идейно-теоретическая база»: связь с врагами партии — «мелкобуржуазной» оппозицией. В такой ситуации никакие былые заслуги, включая революционное прошлое, не должны были спасти от сурового наказания.

Завершив ставшую уже обязательной «разоблачительную часть», И. Г. Топузис в своей докладной записке приводил совсем иные факты. Забастовавшие рабочие выдвинули весьма скромные требования: о возвращении зарплаток в 1927 г. на уровень 1926 г. (!), соблюдении норм охраны труда, пресечении грубости со стороны административного персонала²³. Приведена была дословно и прямая, эмоциональная речь мартеновца Шалина: «Мы умираем с голоду, при том, что горим у печей»²⁴. Даже если убрать метафорический оттенок сказанных слов, очевидно, что визовцы указывали не на надуманные или инициированные извне причины конфликта, а на вполне объективные проблемы.

Как функционер не самого высокого ранга, Топузис мог не знать о Постановлении Президиума ВСНХ от 6 февраля 1926 г., где достижение «режима экономии» увязывалось с замораживанием заработной платы и переходом на платность ряда ранее бесплатных социальных услуг²⁵. Однако как член пропагандистской группы ЦК ВКП(б), Топузис не мог не знать, что печать всех видов на протяжении 1926 г. и первых месяцев 1927 г. постоянно внушала: темпы роста заработной платы рабочих далеко обогнали показатели роста производительности труда.

При этом замалчивался тот факт, что если в 1926/27 хоз. г. заработная плата рабочих во всей промышленности СССР составляла 88,4 % от довоенного уровня, то стоимость бюджетного набора выросла более чем вдвое²⁶.

С учетом низкого уровня эффективности хозяйствования «красных директоров» финансовое положение предприятий оставалось сложным, порождая постоянные задержки заработной платы. Об этом откровенно говорил на пленуме

заводского профсоюзного комитета на следующий день после забастовки многолетний директор ВИЗа, рабочий-выдвиженец Н. М. Давыдов. Анализ приведенных в докладе выступлений на пленуме заводского профсоюзного комитета показывает, что присутствовавшие (в основном члены партии) говорили не о вине забастовщиков, а о сложностях производственных процессов, о неспособности администрации цехов мотивировать труд рабочих. В несколько иной тональности прошел партийный актив завода 16 мая 1927 г. Однако и здесь немалая часть выступающих говорила о несовершенстве системы оплаты труда, и только в отдельных выступлениях упор делался на «связь забастовщиков с оппозицией»²⁷.

Не прозвучало однозначного осуждения забастовщиков и на бюро районного комитета партии 17 мая 1927 г. Главный недостаток забастовки и ее последствий райкомовцы видели скорее в том, что «сор вынесен из избы», чем в незаконности требований рабочих²⁸.

Если в приведенной выше основной части докладной записки И. Г. Топузиса, доведенной до членов бюро Уральской области, «антигосударственность действий» забастовщиков не подлежала сомнению, то в секретной части доклада, адресованной в ЦК ВКП(б), автор писал о том, что вина за забастовку падает не на рабочих-«смутьянов», а на администрацию предприятия. Неизбежности забастовки не было, заключал И. Г. Топузис²⁹. Более того, в полном соответствии с трудовым законодательством рабочие ВИЗа обращались с жалобами к администрации цехов предприятия, подавали жалобу в завком завода, просили созвать общезаводское собрание. Тем не менее даже после трех месяцев ожидания разбора жалобы какого-либо диалога руководства предприятия и рабочих-визовцев фактически не состоялось³⁰.

Как видно, текст докладной записки со всей очевидностью показывает: дифференциация информации в 1927 г. зависела от служебного положения управленцев. Только высшему кругу чиновников доверялись (под грифом «секретно») сведения об истинном положении дел. Такой полог секретности позволял держать в неведении о подлинном значении происходивших в стране событий не только общество в целом, но и основную часть партии.

Дихотомия информационного пространства позволяла манипулировать восприятием советской действительности, затемняя глубину и масштаб противоречий нэпа.

Следует отметить и обратное: при всех очевидных негативных сторонах послеоктябрьских лет революции 1917 г. привели в движение широкие социальные слои, поверившие в демократические лозунги социалистических партий, включая большевиков. На этой основе возникли и демократические форматы решения трудовых конфликтов в промышленности.

С начала 1920-х гг. преобладающая часть трудовых конфликтов стала рассматриваться примирительными камерами и третейскими судами, возникшими во второй половине 1922 г. и укрепившими свое положение с изданием Кодекса законов о труде. Более того, как раз показателем определенной демократичности нэпа, положения рабочих в обществе и является тот факт, что на протяжении 1923–1927 гг. доля разрешенных конфликтов в промышленности СССР в пользу профсоюзов возрастала и (с учетом компромиссных решений) достигала 70–80%³¹.

События на ВИЗе указывают на предел правового решения проблемы: низкая рентабельность советских предприятий заметно суживала диапазон управленческих решений. Косвенно это подтверждает и справка ОГПУ о событиях на ВИЗе³². В документе фиксировалось недовольство рабочих постоянными задержками сроков выплаты заработной платы, но не содержалось упоминания о каких-либо политических требованиях визовцев; экономическую забастовку рабочих ВИЗа чекисты рассматривали как только один из трудовых конфликтов рабочих весной 1927 г. на заводах Урала (например, на Невьянском, Чусовском и других предприятиях), спровоцированных нарушениями в системе оплаты труда³³.

Трудовому конфликту, говорилось в справке ОГПУ, предшествовало длительное обсуждение ситуации с оплатой труда рабочих на профсоюзном комитете ВИЗа, где выступили будущие лидеры забастовки. Рабочие доказали, что, хотя вопрос о расценках разбирался администрацией три месяца, точного подсчета расценок работ металлургов не существует³⁴. Здесь же, на профкоме, был выдвинут лозунг: прекратить работу и двух делегатов отправить в Москву, в ВЦСПС. С 6 часов утра 12 мая работа в мартеновском цехе была остановлена. Из 216 рабочих только 15 вышли на работу. Заводоуправление выставило рабочим ультиматум: кто не выйдет на работу — будет уволен на следующий день, т. е. 13 мая. В связи с этим рабочие ряда других цехов просили администрацию созвать общезаводское собрание, но получили отказ. К часу дня 13 мая почти все бастующие собрались у заводоуправления, заявив, что они согласны прекратить забастовку, если их лидеры будут приняты обратно на работу. Но и здесь рабочие получили отказ. В среде забастовщиков произошел раскол, и 13 мая, начиная с третьей смены, рабочие вышли на работу. 14 мая выход металлургов был полный. Тем не менее девять рабочих-мартеновцев — руководителей забастовки были уволены.

Заметим, что чекисты, внимательно отслеживавшие высказывания рабочих, владели информацией о куда более резких оценках своего положения уральскими пролетариями. В том же 1927 г., как свидетельствовало оперативное донесение, группа из 25 машинистов паровых молотов Усть-Катавского вагоностроительного завода, находясь в конторе мастеров, заявила, что «получает гроши, намного меньше, чем до революции». Аналогичные заявления были зафиксированы агентами ОГПУ на металлургическом и машиностроительном заводах Златоуста³⁵.

Содержание сводок ОГПУ полностью дезавуирует утверждение И. Г. Топузиса о том, что забастовка на ВИЗе носила единичный характер. Так, летом 1927 г. в СССР в день в среднем проходило более трех забастовок, и 75% трудовых конфликтов были связаны с требованием повысить заниженные расценки оплаты труда³⁶. Безусловно, за 1922–1927 гг. численность бастующих промышленных рабочих в СССР сократилась почти в восемь раз; тем не менее и в 1927 г. в 396 забастовках приняли участие 25,4 тыс. чел.³⁷ С учетом средней численности бастующих (немногим более 60 чел.), можно сделать вывод: как правило, забастовочный протест с уровня завода перешел на уровень цеха.

Вместе с тем протестная активность рабочих оставалась высокой. При сравнении данных по промышленности Уральской области за первое полугодие 1926 г. и за первое полугодие 1927 г. очевидно, что число конфликтов увеличилось с 1251 до 1352, а число участников — с 180 518 до 182 945. Однако характерно

и то, что доля конфликтов, рассмотренных в третейских судах и примирительных камерах, выросла с 79,3 % до 93,2 %³⁸.

В такой обстановке, понимая типичность социального протеста визовцев, бюро Уральского обкома ВКП(б) в мае 1927 г. дважды приступало к анализу событий на ВИЗе. На первом заседании бюро — 14 мая — была только заслушана информация о забастовке, без принятия каких-либо решений. Показательным следует считать заявление председателя Совета народного хозяйства Уральской области В. Н. Андронникова о том, что зарплата в 1927 г. у промышленных рабочих не должна быть ниже уровня 1926 г.³⁹ Нетрудно заметить, что В. Н. Андронников фактически повторил одно из требований забастовщиков.

Объективные причины забастовки на ВИЗе становятся более понятными при анализе материалов бюро Уральского обкома ВКП(б) от 31 мая 1927 г., рассмотревшего вопрос о положении дел в уральской промышленности. Было отмечено, что в 1925/26 хоз. г. вместо запланированной прибыли предприятия Уральской области закончили год с существенным убытком. Убыточность сохранялась и в первые месяцы 1927 г. Показатели себестоимости продукции вместо планового снижения продолжали расти.

Среди факторов, предопределивших подобное явление, члены бюро назвали подорожание топлива, сбои в работе железнодорожного транспорта, массовые прогулы рабочих, из-за которых рабочее время использовалось только на 60 %⁴⁰.

Огромное значение приобрел вопрос о руководящих кадрах уральской промышленности: большинство руководителей трестов и представителей директорского корпуса не имели технического образования, часто перебрасывались из отрасли в отрасль, были перегружены общественной работой (участием в многочисленных комиссиях, партийных комитетах и т. п.). Верно оценив ситуацию, констатировав невыполнение Циркуляра ЦК от 26 июля 1926 г. (требовавшего освобождение хозяйственных руководителей от всех партийных и общественных обязанностей), Бюро Уралобкома видело выход в выполнении указанного Циркуляра ЦК, обучении красных директоров на ежегодных краткосрочных курсах и... усилении выдвиженчества рабочих на руководящие должности в промышленности⁴¹. Стоит ли говорить, что подобная практика вела только к консервированию нерентабельности предприятий.

Члены бюро обращали внимание и на весьма показательный пример государственного финансирования предприятий промышленности: из разрешенных к кредитованию 37,2 млн руб. уральские тресты и заводы получили только 27 млн руб., или 75 %⁴², что не могло не вызвать сбои в системе заработной платы. Кроме того, коллективные договоры предприятий, оторванные от корреляции с ростом производительности труда, на 18–20 % превысили фонд заработной платы⁴³.

Убыточность уральской промышленности бесспорна, говорилось в выступлении председателя ВСНХ РСФСР, бывшего рабочего С. С. Лобова. Себестоимость в 1926/27 г. вместо понижения повысилась на 5 %⁴⁴. Другой выходец из рабочей среды, Ф. Локацков (с марта 1926 г. по апрель 1928 г. — председатель Уральского облизполкома), подчеркивал: при низкой заработной плате только личное хозяйство выручает уральского рабочего, но «такой двойной труд дается ему страшно тяжело». Профсоюзный работник И. Толстопятов (назначенный вскоре

заместителем наркома труда РСФСР) прямо заявил, что политика заработной платы по отношению к уральским рабочим носит порочный характер⁴⁵. В первые месяцы 1927 г. Уралобком дважды отправлял в Москву, в ЦК ВКП(б), ВСНХ, ЦК Союза металлистов, телеграммы о критическом положении дел с зарплатой, о хронической задолженности с выплатой зарплаты в уральской промышленности, однако ситуация не менялась⁴⁶. Как видно, взрывоопасная ситуация понималась, объяснялась и даже предсказывалась.

Однако если руководители Урала хорошо знали подлинное положение дел с зарплатой, тогда почему забастовка рабочих ВИЗа была фактически подавлена? Судя по тексту докладной записки И. Г. Топузиса, архивным документам о содержании заседаний бюро Уралобкома, управленческий багаж партийных лидеров ограничивался призывами к усилению агитационно-массовой работы и, намного реже, к учету замечаний специалистов⁴⁷.

Кроме того, к 1927 г. у правящей элиты выработалась устойчивая привычка: владея точной информацией, оставлять право на критику только самим себе. Критика же снизу, даже от представителей рабочих («правлящего класса»), рассматривалась как стихийная и в силу этого вредная. Поскольку в большинстве случаев забастовки на госпредприятиях (официально признанных «социалистическими») начинались без разрешения профсоюзных и партийных органов⁴⁸, по мнению представителей официальной власти, они носили антисоциалистический характер. Тем самым усиливалась линия разъединения между правящим слоем, отстаивающим доктринерские подходы, и основной массой населения, ориентирующейся на реальные условия жизни.

История конкретного трудового конфликта при сопоставлении с панорамой исторической практики может подвести к обобщающим выводам. Социальный протест рабочих ВИЗа носил обоснованный характер и был только одним из подобных выступлений промышленных рабочих в 1927 г.

Вопреки принятой в советской историографии концепции забастовка на ВИЗе была организована не отсталыми группами рабочих, а практически всем трудовым коллективом мартеновского цеха — головного подразделения металлургического завода, поддерживалась большинством заводчан. В основе выступления сталеваров ВИЗа лежал протест против низкого уровня жизни, т. е. чисто экономические требования. Однако и эта акция была воспринята как вызов механике власти в СССР. События 12–13 мая 1927 г. подтверждают наблюдения петербургского историка С. В. Ярова о том, что настроения рабочих в 1920-е гг. отличались крайней неустойчивостью и стремлением к конформизму⁴⁹. Политическая лояльность объяснялась не только угрозами репрессий, но и глубоким расколом в среде самих промышленных рабочих, стремлением администраций предприятий отложить на «более благополучное время» решение назревших проблем.

В такой ситуации рабочий протест даже в год десятилетия Октября удовлетворялся частично. Показательным можно считать статистику итогов разбора трудовых конфликтов по металлопромышленности Уральской области за 1927 г.: 43,7 % из них закончились в пользу рабочих; 29,9 % — в пользу администрации предприятий; остальные — 26,4 % — не имели какого-либо результата⁵⁰. Сравнение приведенных цифр с общесоюзными показателями (по государственным

предприятиям) соответственно — 36,7%; 32,2%; 32,1%⁵¹ — даже с учетом особой значимости металлопромышленности в индустрии позволяет сделать вывод о различных подходах региональных властных структур к решению трудовых конфликтов.

Диапазон самостоятельности принятия решения партийными комитетами определялся политическими причинами (стремлением уложиться в рамки мифологического «пролетарского государства»), чисто конъюнктурными (стремлением «не вынести сор из избы» и не вызвать гнев центра), экономическими (например, запретом на перерасход фонда заработной платы, связанным с официально провозглашенным «режимом экономии»). Показательно в связи с этим бесхитрое признание руководства всесоюзного профсоюза металлистов о том, что в результате пересмотра расценок в начале 1927 г. у рабочих металлургических предприятий Урала удалось сэкономить 73,2 млн руб., или 2 % от фонда заработной платы. Такая констатация снижения зарплат рабочих ведущей отрасли уральской промышленности подавалась Президиумом ЦК ВСРМ как позитивный сдвиг в работе профсоюзов⁵². В свете приведенного факта все последующие утверждения профсоюзных работников о росте членства металлургов в союзах, росте общественной активности рабочих, о выдвигенчестве приобретали характер определенной «игры по правилам».

Через год в докладной записке инструктора Уральского обкома ВКП(б) отмечалось, что в мартеновском цехе ВИЗа рабочие вновь выражают недовольство, утверждая, что на концессиях рабочие больше зарабатывают, чем на госпредприятиях⁵³. Таким образом, социальный протест рабочих загонялся внутрь и искал выход в более скрытых формах, например в повышенной текучести кадров.

Выделим еще одну форму скрытой протестной активности: уменьшение представительства рабочих («от станка») в партийных организациях. Как свидетельствовала сводка Уралобкома ВКП(б), доля коммунистов среди рабочих одиннадцати крупнейших предприятий Урала за январь — апрель 1927 г. (т. е. за месяцы, характерные всплеском трудовых конфликтов) сократилась с 11,1 % до 10,1 %⁵⁴.

Подведем итоги. Весьма ограниченная демократичность жизни советского общества все-таки проявилась в событиях мая 1927 г. в Свердловске в (пусть и не открытом) одобрении действий забастовщиков со стороны рабочих, а также в понимании мотивов социального протеста у регионального руководства из числа «старых большевиков» (большинству из которых не было и сорока лет), выходцев из рабочей среды. Если революционное прошлое еще позволяло хотя бы умозрительно быть мысленно вместе с «товарищами по классу», то номенклатурное настоящее потребовало поставить «хозяев страны» на их подлинное место — на место эксплуатируемой государством массы наемных рабочих. Вариант управляемой демократии, позволяющий рабочим предъявлять свои требования в строго установленном порядке, терпеливо ожидая решения вопроса в управленческих инстанциях, судя по всему, устраивал руководителей Уральской области, но был весьма далек от мифологической «диктатуры пролетариата».

Характерно, что в ходе подготовки забастовки и самих событий 12 мая 1927 г. не были зафиксированы высказывания, осуждающие нэп. Полагаем, что в отличие от позиции Сталина и его сторонников преимущества новой экономической политики к 1927 г. стали более очевидны в провинции и для рабочих, и для

региональной элиты. С учетом эволюции взглядов уральских управленцев на нэп в 1923–1927 гг.⁵⁵ справедливым будет высказать мнение о возросшей терпимости к сохранению многоукладной экономики и о более полном понимании значения кооперации.

Поведение в мае 1927 г. рабочих одного из самых «революционных заводов» Урала (в период до 1917 г.)⁵⁶ свидетельствует об их готовности защищать свои права в рамках советского трудового законодательства, о надеждах на возможность договориться с администрацией предприятия. В силу этого социальный протест рабочих носил локальный, исключительно экономический характер.

Содержание двух документов, опубликованных в 1927/28 хоз. г., — директив Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР и Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия⁵⁷ (признан в качестве образца регионального развития) — указывало на сохранение многоукладной экономики. Социальное планирование имело конкретных адресатов: рост реальной зарплаты должен был позволить рабочим увеличить расходы на культурно-бытовые нужды, расширение душевой нормы жилья — создать условия для «культурного быта, укрепления здоровья и прочной оседлости пролетариата»⁵⁸.

В контексте такого развития уменьшались как предпосылки для новых трудовых конфликтов в рамках нэповской экономики, так и основания для репрессивных мер власти. В этих условиях и при отказе от курса на обострение международной обстановки в форме подстрекательства зарубежных компартий к революционным действиям, в принципе, сохранялись возможности для продолжения новой экономической политики.

¹ См., напр.: *Суворова Л. Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.

² Там же. С. 33.

³ *Голанд Ю. М.* Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения.* М., 2011. С. 113–117.

⁴ *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспект становления. М., 2010. С. 280.

⁵ Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924. С. 112–113.

⁶ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 214, 222.

⁷ *Голанд Ю. М.* Разрушение нэпа... С. 123.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

¹⁰ См., напр.: Выступление первого секретаря Уралобкома ВКП(б) Н. М. Шверника на седьмой областной партийной конференции в ноябре 1927 г. // Центральный архив документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 5. Д. 1. Л. 54–68.

¹¹ За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. Ч. 1. Власть. М., 2011. С. 61.

¹² *Голанд Ю. М.* Разрушение нэпа... С. 118, 123.

¹³ *Орлов И. Б.* Советская повседневность... С. 282–283.

¹⁴ *Фельдман М. А.* Забастовка на Верх-Исетском заводе 12–13 мая 1927 г. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 207–209.

- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 317. Л. 3–12.
- ¹⁶ Там же. Л. 2, 19.
- ¹⁷ Там же. Л. 12.
- ¹⁸ *Фельдман М. А.* Условия жизни уральских рабочих в 20-е гг.: восстановление утраченного, непрочность приобретенного // Процессы модернизации на Урале: сб. статей. Челябинск, 2004. С. 68–75.
- ¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 317. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Л. 28.
- ²¹ Там же. Л. 7, 12.
- ²² Там же. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 19.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Взято из: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 327. Л. 8.
- ²⁶ Там же. Д. 350. Л. 24.
- ²⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 317. Л. 28–29.
- ²⁸ Там же. Л. 34.
- ²⁹ Там же. Л. 36–38.
- ³⁰ Там же. Л. 42.
- ³¹ *Кирьянов Ю. И.* Литература о трудовых конфликтах // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 25, 29, 32.
- ³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32. Л. 16–19.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 3–5, 16–17.
- ³⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 71. Л. 5, 17.
- ³⁶ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 2–3.
- ³⁷ *Кирьянов Ю. И.* Литература о трудовых конфликтах. С. 23.
- ³⁸ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 27.
- ³⁹ Там же. Д. 10. Л. 77.
- ⁴⁰ Там же. Д. 304. Л. 1–3, 37.
- ⁴¹ Там же. Д. 11. Л. 246.
- ⁴² Там же. Д. 12. Л. 137.
- ⁴³ Там же. Л. 138.
- ⁴⁴ Там же. Д. 304. Л. 3, 19–20.
- ⁴⁵ Там же. Л. 37.
- ⁴⁶ Там же. Д. 11. Л. 241.
- ⁴⁷ Там же. Д. 317. Л. 9, 17.
- ⁴⁸ *Казанцев Б. Н.* Материалы государственных, партийных, профсоюзных органов о выступлениях рабочих на предприятиях Советской России в 1918–1928 гг. // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. С. 65.
- ⁴⁹ *Яров С. В.* О пользе нового прочтения документов. Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история. 2002. № 2. С. 114.
- ⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 296. Л. 11.
- ⁵¹ *Кирьянов Ю. И.* Литература о трудовых конфликтах. С. 25.
- ⁵² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 296. Л. 9 об.
- ⁵³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1674. Л. 4–5.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 45. Л. 34.
- ⁵⁵ Достаточно сравнить насыщенное антиинэповской риторикой содержание выступления первого секретаря обкома партии Уральской области М. М. Харитонов на Второй областной партийной конференции в 1923 г. и свободную от нападок на многоукладную экономику речь Н. М. Шверника в 1927 г. (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1; Оп. 5. Д. 1).
- ⁵⁶ *Гагарин А. А.* Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.
- ⁵⁷ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 3 т. Т. 2. Ч. 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. М., 1930; Генеральный план

хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927; Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. С. 201.

⁵⁸ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2. С. 20, 43.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Фельдман М. А. Трудовые конфликты на промышленных предприятиях Уральской области в юбилейный год советской власти: проблема взаимоотношений власти и рабочих в 1927 году // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 115–127.

УДК 94(47).084.5

Аннотация: В статье на основе использования статистических методов определены характерные динамики трудовых конфликтов на промышленных предприятиях Уральской области; выделены формы и методы разрешения трудовых споров. Сделаны выводы о факторах, влияющих на возникновение забастовок в промышленности, проанализированы результаты и последствия забастовочного движения. Поведение рабочих свидетельствует об их готовности защищать свои права в рамках советского трудового законодательства и их надеждах на возможность договориться с администрацией предприятия. В силу этого социальный протест рабочих носил локальный, исключительно экономический характер. Диапазон самостоятельности принятия решения партийными комитетами определялся политическими причинами (стремлением уложиться в рамки мифологического «пролетарского государства»); чисто конъюнктурными (стремлением «не вынести сор из избы» и не вызвать гнев центра), экономическими — например, запретом на перерасход фонда заработной платы, связанным с официально провозглашенным «режимом экономии». Весьма ограниченная демократичность жизни советского общества, в событиях мая 1927 г. в Свердловске все-таки проявилась в (пусть и не открытом) одобрении действий забастовщиков со стороны рабочих и в понимании мотивов социального протеста — у регионального руководства из числа «старых большевиков». Вариант управляемой демократии, позволяющий рабочим предъявлять свои требования в строго установленном порядке, терпеливо ожидая решения вопроса в управленческих инстанциях, судя по всему, устраивал руководителей Уральской области, но был весьма далек от мифологической «диктатуры пролетариата».

Ключевые слова: партия, промышленные предприятия, трудовые конфликты, Урал, рабочие, управленцы, расценки.

Сведения об авторе: *Фельдман М. А.* — доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления — филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург, Россия); feldman-mih@yandex.ru

FOR CITATION

Feldman M. A. Labor Disputes at the Industrial Enterprises of the Urals rural Area in the Jubilee Year of the Soviet Rule: the Problem of Relations between the Authorities and Workers in 1927, *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 115–127.

Abstract: The article, based on the use of statistics, shows the dynamics of labor conflicts at industrial enterprises of the Ural region, as well as the forms and methods of resolving labor disputes. Authors examines the factors that provoked the occurrence of strikes and analyzes the results and consequences of the strike movement. The behavior of workers indicates their willingness to defend their rights under the Soviet labor laws and their hopes for an opportunity to negotiate with the administration of the enterprise. Because of this, it seems that the social protest of the workers was of a local and exclusively economic nature. The range of independence of decision-making by local party committees was determined by political reasons (the desire to meet the mythological "proletarian state"); purely opportunistic (the desire "not to take rubbish out of the house" and not to cause the wrath of the Center), economic — for example, a ban on the overexpenditure of the wage fund associated with the officially proclaimed "regime of economy". The very limited democratic character of the life within the Soviet

society was nevertheless revealed during the events of May 1927 in Sverdlovsk, even if not openly, in the approval of the strikers' actions by the part of the workers and in the understanding of the motives of social protest by the "old Bolsheviks" within the local regional leadership. The option of managed democracy, allowing workers to present their demands in a strictly established order, patiently waiting for their issue to be resolved in management instances, appeared to suit the leaders of the Urals region, but was far from the mythological "dictatorship of the proletariat".

Keywords: party, industry, labor conflicts, Ural, workers, managers, pricing.

Author: Feldman M. A. — Doctor of History, Professor, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); feldman-mih@yandex.ru

References:

Feldman M. A. 'Usloviya zhizni ural'skikh rabochih v 20-e gg.: vosstanovlenie utrachenного, neprochnost' priobretenного', *Processy modernizatsii na Urale: sb. statej* (Cheljabinsk, 2004).

Feldman M. A. 'Zabastovka na Verkh-Isetskom zavode 12–13 maya 1927 g.', *Yekaterinburg: ot zavoda-kreposti k yevraziyskoy stolitse: mat-ly Vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii. Yekaterinburg, 23–24 maya 2002* (Yekaterinburg, 2002).

Gagarin A. A. *Trudovoy kollektiv Verkh-Isetskogo zavoda 1900–1941 gg.* [Candidate of History Dissertation] (Yekaterinburg, 2009).

Goland Yu. M. 'Razrusheniye NEPa: ekonomicheskiye, ideologicheskiye i politicheskiye usloviya', *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* (Moscow, 2011).

Kazantsev V. N. 'Materialy gosudarstva, partii, profsoyuznyye organy o deystviyakh rabotnikov na predpriyatiyakh Sovetskoy Rossii v 1918–1928', *Trudovyye spory v sovetskoy Rossii, 1918–1928* (Moscow, 1998).

Kiryayov Yu. I. 'Literatura o trudovykh konfliktakh', *Trudovyye konflikty v Sovetskoy Rossii 1918–1929 gg.* (Moscow, 1998).

Orlov I. B. *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekt stanovleniya* (Moscow, 2010).

Postnikov S. P., Feldman M. A. *Sotsiokulturniy oblik promyshlennykh rabochikh Urala (1900–1941 gg.)* (Yekaterinburg, 2006).

Suvorova L. N. *Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdru gosudarstvom i rynkom.* (Moscow, 2013).

Yarov. S. V. 'O polze novogo prochteniya dokumentov. Rabochiy aktivizm v poslere-volyutsionnoy Rossii', *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, 2002.

Yasniy N. *Sovetskiye ekonomisty 1920-kh godov. Dolg pamyati* (Moscow, 2012).